

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

МАТЕРИАЛЫ К ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЭКЗАМЕНУ

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

по результатам подготовленной научно-квалификационной работы
(диссертации)

**СПОСОБЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
АВТОРИТЕТА: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД**

Фокин Кирилл Валерьевич

**Направление подготовки: 41.06.01 Политические науки и
регионоведение**

Профиль программы: Политические процессы и технологии

Аспирантская школа по политическим наукам

Аспирант _____/Фокин Кирилл Валерьевич /

Научный руководитель _____/Ильин Михаил Васильевич /

Директор Аспирантской школы _____/Малинова Ольга Юрьевна /

Москва, 2021

Описание замысла исследования

Актуальность исследования

Политический авторитет – взаимно-признаваемое властное отношение. Политические образования невозможны без своеобразной, гласной или негласной договорённости: хотя бы и ограниченного, но взаимного доверия (trust) тех, кто подчиняется, и тех, кто повелевает. Приказ даже самого страшного властителя, лишившегося авторитета у исполнителей, не будет исполнен. Власть, по Ханне Арендт¹, противоречит насилию – в современной научной литературе различают насильственную нормативно-негативную власть как *dominance* и противоположную ей нормативно-позитивную власть как возможность и/или сотрудничество *empowerment*: можно сказать, *обретение авторитета*, всеми признаваемая власть в общих интересах.

Вместе с тем, как менялось человеческое общество, менялось и наше представление о власти и авторитете. Обновление научного инструментария в XX веке, возникновение новых и реновация прежних средств, практик и сфер взаимодействия и коммуникации привели к появлению в научном обиходе представлений о медиавласти, биовласти, культурной власти (власти над культурой, мягкой власти «soft power») и так далее. Эмансипация и обретение прав ранее бесправными группами, развитие горизонтальных связей и так называемый «кризис» политических систем в XXI веке (отставание институциональных конфигураций от развития информационных систем, появление популистских движений и т.д.) приводят нас к необходимости переосмыслить и уточнить представления об институтах политического авторитета в меняющемся мире². Потребность в этом существует не только внеположная науке, но и внутренняя. За последние десятилетия в различных научных областях было накоплено большое

¹ Арендт Х. О насилии. М.: Новое издательство, 2021.

² Haugaard M. The faces of power, resistance and justification in a changing world // Journal of Political Power. 2020. Vol 13, No. 1. Pp. 1–5.

количество данных, заставляющих нас по-новому взглянуть на человеческое общество в *эволюционном контексте*. Эти новые данные скорее подтверждают и снабжают новыми доказательствами, а не опровергают, уже сложившиеся в науке представления об авторитете и его институциональных воплощениях. Представляется необходимым предложить новый вариант модели политического авторитета, базирующейся на новом материале: результатах исследований из смежных научных областей (эволюционной биологии, психологии, этологии, антропологии, теории игр, истории, права). Концептуально-методологический аппарат для подобного эволюционного транс- и междисциплинарного анализа разработан командой проекта РФФ «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований» на базе ИНИОН РАН³. Диссертация использует подходы и идеи, предложенные в рамках проекта, и развивает / адаптирует их для конкретных целей исследования.

Отталкиваясь от известных определений и понимания авторитета как добровольного подчинения и взаимного доверия, диссертация направлена к фактическим, фиксируемым или реконструируемым *способам институционализации* такой власти на протяжении человеческой истории (и даже предыстории). Начиная с редукции до простейших форм – то есть, появления и происхождения первых институтов авторитета, – мы переходим к современности, и через насыщение нашей модели современным материалом – к описанию политического авторитета в XXI веке.

Степень разработанности проблемы

Тема эволюции институциональных форм разрабатывается в мировой науке. Проблема заключается в *разобщённости* конвенциональных подходов. Мы разобьём их на три условных крупных блока по принципу

³ Проект № 17-18-01536

методологической общности: (1) политическая теория и философия, (2) социологический подход, (3) биополитический подход.

(1) В политической теории есть две традиции: одна идёт от таких мыслителей, как Платон, Гоббс, Локк, Кант, Юм и Остин⁴ и связана с размышлениями, что мы понимаем и что должны понимать под «авторитетом» и «институтами авторитета». Вторая, нормативная теория задаёт вопросы о его (моральной) оправданности и контекстах, в которых мы можем считать его «оправданным», как у Рональда Дворкина⁵, Джона Ролза⁶, Джозефа Раца⁷, Джона Симмонса⁸, Томаса Кристиано⁹, Ричарда Т. Де Джорджа¹⁰, или *не* можем – как в работах Мишеля Фуко и континентальной школы или анархистском течении от Роберта Вулфа¹¹ до современных представителей вроде Марка Хьюмера¹². В том, что касается институционального звена, большинство основных концепций и теоретических моделей авторитета (нормативные, критические, феноменологические и т.п.) так или иначе отталкиваются от веберовской типологии легитимного господства¹³.

Ключевой тезис, который мы принимаем отсюда, – *авторитет не может существовать вне меняющегося социального контекста*. Субъект неспособен взять и объявить себя авторитетом, авторитетом нельзя стать с

⁴ См. обзор у: Алексеева Т.А. Проблемы авторитета в политической философии // Полития. 2005. № 2. С. 161–184.

⁵ Dworkin R. Law's Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

⁶ Rawls J. Political Liberalism. New York: Columbia University Press, 1996.

⁷ Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Oxford University Press, 1986.

⁸ Simmons A.J. Justification and Legitimacy: Essays on Rights and Obligations. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

⁹ Christiano T. The Authority of Democracy // Journal of Political Philosophy. 2004. Vol. 12, No. 3. Pp. 245–270.

¹⁰ DeGeorge R.T. The Nature and Limits of Authority. Lawrence: University Press of Kansas, 1985.

¹¹ Wolff R.P. In Defense of Anarchism. New York: Harper & Row, 1970.

¹² Huemer M. The Problem of Political Authority. L.: Palgrave Macmillan, 2013.

¹³ Die drei reinen Typen der legitimen Herrschaft, in: Preußische Jahrbücher, Band. 187, Heft 1, 1922, S. 1-12. / Вебер М. Три чистых типа легитимного господства // Хозяйство и общество. Т. 4. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. С. 404-414.

помощью доминирования и принуждения; позицией авторитета субъект наделяют другие субъекты. Данное обстоятельство учитывается, хотя иногда и остаётся без должного внимания, во *всех* определениях, которые можно найти в литературе. У Ханны Арендт авторитет есть противоположность принуждению, это добровольное подчинение (и подчинение без насилия), *vera*¹⁴; у Денниса Ронга – «властное отношение, в котором субъект обладает *признанным* правом командовать, а объект – *признанной* обязанностью повиноваться»¹⁵ (выделение моё. – К.Ф.); Александр Марей в своём очерке концептуальной истории понятия предлагает «*социально-признаваемое знание*»¹⁶ (выделение моё. – К.Ф.). Аналогичное утверждение мы найдём у антропологов и этологов, занимающихся лидерством у животных: позиция лидера / вожака / альфы в группах социальных животных не столько завоёвывается самим субъектом (как в т.н. «иерархии доминирования»), сколько другие субъекты его/её ей наделяют, это «завоевание» принимают и с ним соглашаются¹⁷.

(2) Рассмотрение авторитета как явления / факта социальной реальности – свойство социологического подхода. Социология обращает внимание на эмпирические проявления добровольного подчинения¹⁸, на протяжении XX века последовательно расширяя свой фокус зрения (от добровольного подчинения политическим решениям до неявных обыденных практик, где политический смысл существует, но не осознаётся даже самими

¹⁴ Arendt H. What Is Authority? // In between Past and Future: Eight Essays in Political Thought. London: Penguin Books, 2006. Pp. 91–141.

¹⁵ Wrong D.H. Power: It's Forms, Bases, and Uses. New Brunswick and L.: Transaction Publishers, 2002. P. 49. / перевод цит. по: Ледаев В.Г. Власть, авторитет и господство в России: характеристики и формы // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009. № 4. С. 61-94.

¹⁶ Марей А.В. Авторитет или Подчинение без насилия. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

¹⁷ Де Валь Ф. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

¹⁸ Haugaard M. What is authority? // Journal of Classical Sociology. 2018. Vol.18, No. 2. Pp. 104-132.

субъектами¹⁹). Предлагаются большие концептуальные модели, вроде попыток исключительного описания форм власти и их эволюции Майкла Манна²⁰ или концепции «общественных порядков» и «режимов доступа» Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгейста²¹.

На практическом уровне «идеальные типы» смешиваются и нам трудно отделить один тип «господства» от другого. Что мы можем, и в чём помогает социологический подход, – это проследить эволюцию форм господства, и в какой пропорции в разные исторические периоды происходит это «смешение». Взгляд на конкретные формы выражения политического авторитета и рассмотрение его как института, а не идеального типа, – достижение социологической школы, которое позволяет нам использовать оптику направления эволюционного институционализма.

(3) Биополитический подход, необходимый для создания широкой рамки рассмотрения институтов авторитета, включающей в себя в том числе и т.н. «животный авторитет», и биологическую функциональность, которая наследуется и развивается в человеческом сообществе. Сам термин «биополитика» используется нами в смысле сочетания политологии и этологии, от Линтона Колдуэлла²², Альберта Сомита²³, Томаса Торсона²⁴, Конрада Лоренца²⁵, Нико Тинбергена²⁶ и других. Это подход, в котором

¹⁹ Digester P. The Fourth Face of Power // *The Journal of Politics*. 1992. Vol. 54, No. 4. Pp. 977–1007.

²⁰ Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. / Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 1-4. Cambridge University Press, 2012.

²¹ North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N.Y.: Cambridge University Press, 2009.

²² Caldwell L. Biopolitics: Science, ethics, and public policy // *The Yale Review*. 1964. Vol. 54, No. 1. Pp. 1–16.

²³ Somit A. Toward a more biologically oriented political science: Ethology and psychopharmacology // *Midwest Journal of Political Science*. 1968. Vol. 12, No. 4. Pp. 550–567; Somit A. Review article: Biopolitics // *British Journal of Political Science*. 1972. Vol. 2, No. 2. Pp. 209–238.

²⁴ Thorson T.L. *Biopolitics*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1970.

²⁵ Lorenz K. *Evolution and Modification of Behavior*. Chicago: University of Chicago Press, 1965.

²⁶ Tinbergen N. On Aims and Methods of Ethology // *Ethology*. 1963. Vol. 20, No. 4. Pp. 410–433.

данные из биологии как естественной науки могут быть привлечены для разрешения проблем, стоящих перед науками общественными²⁷ (важно не путать с «фукольдианской» биополитикой²⁸). Следует переходить от отвлечённо-теоретического представления о власти и авторитете к широкому эмпирически-ориентированному, и биополитика даёт нам инструментарий.

То, как власть проявляется на биологическом уровне, – один из главных вопросов социобиологии. Среди основателей этого подхода есть и российские учёные-анархисты П.А. Кропоткин²⁹ и Л.И. Мечников³⁰. К значимому исследователю из современников можно отнести А.В.Олескина³¹, одна из заслуг которого в том, что он ввёл в отечественную науку главные идеи, разработки и результаты, достигнутые на этом поле. Но в сферу биополитики могут попадать работы и из смежных областей, таких как когнитивная или поведенческая нейробиология (в России представленные, например, исследованиями Института когнитивных нейронаук НИУ ВШЭ).

Биополитический подход в работе представлен использованием данных, исследований и гипотез из различных областей: социобиология³² используется как источник идей на стыке социального и биологического; этология представляет варианты конфигураций отношений «власти» у животных – от эусоциальности насекомых³³, с которыми человеческие

²⁷ См., например, сборник: *Handbook of Biology and Politics* / eds. S.A. Peterson and A. Somit. Cheltenham: Edward Elgar, 2017.

²⁸ Liesen L.T., Walsh M.B. The Competing Meanings of 'Biopolitics' in Political Science: Biological and Post-Modern Approaches to Politics // *Politics and the Life Science*. 2012. Vol. 31, No. 1-2. Pp. 2-15.

²⁹ Кропоткин П.А. *Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса*. М.: Голос труда, 1922.

³⁰ Мечников Л.И. *Цивилизация и великие исторические реки*. М: Арктогея, 1995.

³¹ Олескин А.В. *Биополитика*. М., 2001.

³² См.: Wilson; *Sociobiology: A New Synthesis*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1975; Wilson D.S., Wilson E.O. Rethinking the theoretical foundation of sociobiology // *The Quarterly review of biology*. 2007. Vol. 82, No. 4. Pp. 327–348; Wilson E.O. *The Social Conquest of Earth*. New York: Liveright Publishing Corporation, 2012.

³³ Batra S.W.T. Nests and social behavior of halictine bees of India (Hymenoptera: Halictidae) // *The Indian Journal of Entomology*. 1966. Vol. 28, No. 3. Pp. 375—393; Foster K.R., Ratnieks F.L.W. A new eusocial vertebrate? // *Trends in Ecology and Evolution*. 2005. Vol. 20. No. 7. Pp. 363–364.

общества порой схожи лишь в функциональном отношении³⁴, до близких нам высших приматов. Одним из первых о существовании прямого аналога «политического авторитета» у приматов заявил Фред Вильхойт³⁵. Его идеи в дальнейшем развивались благодаря наблюдениям и практикам Франса де Вааля³⁶, Джейн Гудолл³⁷, Роджера Фouts³⁸, Кристофа Бёша³⁹ и других.

Рядом стоят исследования т.н. «эволюционного» или «животного» лидерства: среди значимых авторов можно назвать Марка Ван Вугта⁴⁰, Роберта Хогана⁴¹, Захари Х. Гарфилда⁴², Р.Ф. Уайта⁴³. К ним примыкают исследования в области теории игр (в первую очередь Роберта Аксельрода⁴⁴ и его последователей⁴⁵) и эволюции альтруизма и кооперации⁴⁶. «Лидерство» и «альтруизм» для наших целей помещаются в одно концептуальное поле с

³⁴ См. Фокин К.В. 2021.

³⁵ Willhoite F.H. Jr. Primates and Political Authority: A Biobehavioral Perspective // *The American Political Science Review*. 1976. Vol. 70. No. 4. Pp. 1110–1126.

³⁶ Де Валь Ф. Указ.соч.

³⁷ Goodall J. *The chimpanzees of Gombe: patterns of behavior*. Belknap Press of Harvard University Press, 1986.

³⁸ Fouts R. Apes, Darwinian continuity and the law // *Animal Law*. 2004. Vol. 10. Pp. 99-124.

³⁹ Boesch C. *Wild Cultures: A Comparison between Chimpanzee and Human Cultures*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

⁴⁰ Van Vugt M. Evolutionary origins of leadership and followership // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10. Pp. 354–371; Van Vugt M., Grabo A.E. The many faces of leadership: An evolutionary-psychology approach // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24. Pp. 484–489.

⁴¹ Winsborough D., Kaiser R., Hogan R. An evolutionary view: What followers want from their leaders // *Leadership in Action*. 2009. Vol. 29. Pp. 8-11

⁴² Garfield Z.H., von Rueden C., Hagen E.H. The Evolutionary Anthropology of Political Leadership // *The Leadership Quarterly*. 2018. Vol. 30, No. 1. Pp. 59–80; Garfield Z.H., Hagen E.H. Investigating evolutionary models of leadership among recently settled Ethiopian hunter-gatherers // *The Leadership Quarterly*. 2020. Vol. 31, No. 2. 101290.

⁴³ White R.F. Political behavior and biology: evolutionary leadership and followership // *Handbook of Biology and Politics*. Eds. S.A. Peterson and A. Somit. Cheltenham: Edward Elgar, 2017. Pp. 231-246.

⁴⁴ Axelrod R. *The evolution of cooperation*. New York: Basic Books, 1984; Axelrod R. An Evolutionary Approach to Norms // *The American Political Science Review*. 1986. Vol. 80, No. 4. Pp. 1095–1111.

⁴⁵ Durlauf S.N., Blume L.E. *Game Theory and Biology* // *Game Theory*. London: Palgrave Macmillan, 2010. Pp. 119-126; Cowden C. *Game Theory, Evolutionary Stable Strategies and the Evolution of Biological Interactions* // *Nature Education Knowledge*. 2012. Vol. 3, No. 10. P. 6.

⁴⁶ Ridley M. *The Origins of Virtue: Human Instincts and the Origins of Cooperation*. London: Penguin, 1996; Alford J.R., Hibbing J.R. *The Origin of Politics: An Evolutionary Theory of Political Behavior* // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2, No. 4. Pp. 707–723.

«авторитетом»: мы указываем на неразрывную, в прагматической плоскости, связь между ними. Невозможно исследовать институты политического авторитета в человеческом обществе в широкой перспективе без учёта проблем кооперации, альтруистического поведения и лидерства.

Подтверждением служат три концепции из антропологии. Во-первых, культурные универсалии (Дональд Браун и др.⁴⁷). Во-вторых, связь между социальным восприятием/поведением (в отношении) власти и работой биологических механизмов, подтверждённая, в первую очередь, командами Дачера Келтнера⁴⁸, Деборы Келеман⁴⁹, Деборы Грюнфилд⁵⁰, Василия Ключарёва⁵¹ и других⁵². В-третьих, это гипотеза сверхъестественного наказания (Supernatural Punishment Hypothesis) Доминика Джонсона⁵³ и др.⁵⁴. Есть убедительные доказательства, что образование больших человеческих сообществ связано с возникновением (институционализацией) веры в сверхъестественных моральных агентов – предельных авторитетов.

⁴⁷ Brown D. Human Universals. Temple University Press, 1991; Human universals and their implications // *Being humans: Anthropological universality and particularity in transdisciplinary perspectives*. New York: Walter de Gruyter, 2000. Pp. 156–174; Norenzayan A., Heine S. J. Psychological universals: what are they and how can we know? // *Psychological Bulletin*. 2005. Vol. 131, No. 5. Pp. 763–784.

⁴⁸ Keltner D., Gruenfeld D.H., Anderson C. Power, Approach, and Inhibition // *Psychological Review*. 2003. Vol. 110, No 2. Pp. 265–284.

⁴⁹ Keleman D. Are Children „Intuitive Theists“? Reasoning about Purpose and Design in Nature // *Psychological Science*. 2004. Vol 15, No. 5. Pp. 295–301.

⁵⁰ Inesi M., Magee J., Gruenfeld H., Galinsky A.D. Power and the objectification of social targets // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95, No. 1. Pp. 111–127; Inesi M., Gruenfeld H., Galinsky A.D. How power corrupts relationships: Cynical attributions for others' generous acts // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2012. Vol. 48, No. 6. Pp. 795–803.

⁵¹ Ключарев В.А., Зубарев И.П., Шестакова А.Н. Нейробиологические механизмы социального влияния // *Экспериментальная психология (Россия)*. 2014. Т. 7, № 4. С. 20–36.

⁵² Hogeveen J., Inzlicht M., Sukhvinder S.S. Power Changes How the Brain Responds to Others // *Journal of Experimental Psychology*. 2013. Vol. 143, No. 2. Pp. 755–762.; Wheeler M.E., Fiske S.T. Controlling racial prejudice: social-cognitive goals affect amygdala and stereotype activation // *Psychological Science*. 2005. Vol. 16, No. 1. Pp. 56–63.

⁵³ Johnson D.D.P. *God Is Watching You: How the Fear of God Makes Us Human*. New York: Oxford University Press, 2016.

⁵⁴ Lane J. Strengthening the Supernatural Punishment Hypothesis through Computer Modeling // *Religion, Brain & Behavior*. 2018. Vol. 8, № 3. Pp. 290–300; Hartberg Y., M.Cox, Villamayor-Tomas S. Supernatural Monitoring and Sanctioning in Community-based Resource Management // *Religion, Brain & Behavior*. 2016. Vol. 6, No. 2. Pp. 95–111.

Каждый из пластов литературы с разных сторон подступает к главному вопросу исследования – как на протяжении человеческой истории видоизменялись (эволюционировали) способы институционализации политического авторитета? Задача работы – навести мосты между этими пластами, выявить связь как между уже существующими исследованиями, так и между теориями и эмпирическими данными, предложив инклюзивную концептуальную эмпирически-ориентированную рамку анализа.

Ключевая проблема исследования

Несмотря на значительные успехи сравнительных, эмпирических и идиографических исследований властных структур и авторитета, всё ещё сохраняется разрыв между полученными результатами и по-прежнему влиятельными, хотя уже не доминирующими нормативными и, шире, общетеоретическими подходами к политическому авторитету. Эти нормативные и общетеоретические установки при всём их самостоятельном значении воздействуют, а нередко и деформируют анализ практических институциональных и поведенческих воплощений авторитета. Требуется не только восполнить разрыв между эмпирическим изучением фактически наличных сейчас или в историческом прошлом явлений авторитета и умозрительными схемами, но и выработать логику перехода от теоретических обобщений к эмпирически установленным данным и закономерностям и обратно. Работа нацелена на установление того, как эволюционный подход позволяет разрешить эту методологическую проблему.

Основной исследовательский вопрос

Как происходила институционализация способов согласования совместных действий (кооперации) в структуре политического авторитета на критических переходах усложнения социальной и политической организации

людей: начальном антропогенезе, становлении традиционных и современных порядков?

Исследовательская гипотеза

Гипотеза отталкивается от двух фактов: 1) *Институты политического авторитета являются человеческой универсалией*; и 2) *Эволюция изменяет способы институционализации политического авторитета, но сохраняет общее основание – от биологического функционального авторитета до современного демократического*. Отсюда предположение:

Основанием способов институционализации в человеческом обществе может являться экстернализация властного авторитета – «внешняя инстанция авторитета», внеположная обществу предельная инстанция безусловного авторитета, которой оправдывается как наделение позиции властью, так и рамки этой власти, и добровольное подчинение субъектов данной позиции.

Основные результаты исследования

Эволюционный подход предполагает создание инклюзивной по отношению к существующим теоретическим схемам, результатами эмпирических, сравнительных и идиографических исследований – прагматически-ориентированной концептуальной модели эволюции способов институционализации политического авторитета. Он предлагает инструментарий для построения эмпирических моделей политического авторитета, зависящих от конкретных исторических или текущих (повседневных) контекстов. Он позволяет сравнивать различные эмпирические модели, выявлять их схожести и различия, проследить эволюционный трек от простейших форм к сложным и наоборот. Концептуальная модель, ориентированная на построение эмпирических моделей, помогает в разрешении нормативных проблем, возникающих при

теоретическом анализе политического авторитета и связанных с его обоснованием (justification) и критикой. Пути интеграции знаний из различных научных дисциплин, предложенные и использованные в исследовании, способствовали достижению целей проекта РФФ «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций».

Цель и задачи исследования

Цель исследования состоит в создании концептуальной эмпирически-ориентированной исходной модели эволюции способов институционализации политического авторитета.

Цель достигается решением следующих задач:

1) производением концептуализации основных понятий, используемых в исследовании:

- политический авторитет,
- институты политического авторитета,
- способы институционализации политического авторитета,
- внешняя (предельная) инстанция авторитета.

2) рассмотрением аналитической модели, объясняющей, как происходит эволюционный переход от этологического «лидерства у животных» к человеческим институтам политического авторитета, и как, с учётом биологической predisposition, человеческие институты политического авторитета эволюционируют? На основе аналитической модели предлагается гипотеза, которую можно проверить фактическими данными.

3) эмпирически проверяется гипотеза – на базе накопленных в различных областях науки данных; гипотеза касается этологической природы института политического авторитета и связи институционализации авторитета в человеческом сообществе с ролью «внешней инстанции» (сверхъестественного агента), сохранения и преобразования роли «внешней инстанции» внутри современного института демократического авторитета.

4) по результатам эмпирического анализа и «наведения мостов» между корпусами существующей литературы формулируется инклюзивная, эмпирически-ориентированная концептуальная модель эволюции способов институционализации политического авторитета, с помощью которой в дальнейшем возможно создание эмпирических моделей политического авторитета для конкретных исторических контекстов.

Структура и обоснование границ исследования

Исследование структурировано исходя из трёх критических переходов – «реперных точек», разработка каждой из которых представляет собой отдельную главу работы. Мы исходим из концепции «культурных универсалий»: институты политического авторитета – универсальное явление для человеческой культуры.

Следовательно, *первая «реперная точка»* – биологическая (эволюционная) функциональность институтов авторитета. Биополитический подход представляет инструментарий для того, чтобы использовать данные из естественных наук для решения задач, стоящих перед наукой политической. Логика авторитета – улучшение внутригрупповой кооперации, наказание фрирайдеров, поощрение альтруистического поведения, не «захват» лидерской позиции, но «наделение» ею – утверждение, что эта логика присутствует во вариантах так называемого «животного лидерства» доказуемо. «Культурные универсалии» подтверждают, что институты такого назначения встречаются во всех известных нам человеческих культурах, и это доказуемое эмпирически утверждение. Это позволяет вписать институты политического авторитета в человеческом обществе в более общую биосоциальную рамку.

Вторая «реперная точка» – переход первых сложносоставных человеческих групп к авторитету «внешней инстанции», в форме религиозных институтов. Необходимые данные предоставляет SPH. Переход

к большим сообществам у людей связан с формированием веры в моралистичных внешних агентов – богов. Мы утверждаем, что это и есть начало авторитета «внешней инстанции». Дальнейшее доказательство «внешней инстанции» даётся через исторические источники и специализированные работы максимально широкого спектра: базируясь на конкретных исторических данных, мы последовательно подтверждаем – *внешняя инстанция*, сперва сверхъестественная, а затем – в период Модерна и далее – светская, являлась предельным авторитетом для сообщества, и именно отсылки к ней (и её характер: светский / религиозный / идеологический / смешанный и т.д.) определяют *традиционный способ институционализации авторитета*.

Третья «реперная точка» – современный демократический авторитет, (концепции полиархии⁵⁵, подотчётности⁵⁶ и мониторинговой демократии,⁵⁷ открытого общества⁵⁸ и открытого порядка⁵⁹). Исследование базируется на данных, как функционируют (дисфункционализируют) современные демократии в вопросе способов институционализации авторитета и его внешней инстанции (внешних инстанций). Здесь подтверждается нормативная защита демократического авторитета, но на основаниях биосоциальной природы института и особенностей предельной инстанции.

Теоретико-методологические основы исследования

Подходом, благодаря которому возможно объединение данных из различных пластов литературы, и широкой концептуальной рамкой, способной обосновать исследовательскую программу, являются подходы эволюционного институционализма и эволюционной морфологии.

⁵⁵ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция. М.: НИУ ВШЭ, 2010.

⁵⁶ Schmitter P., Karl T. What Democracy Is... and Is Not // Journal of Democracy. 1991. Vol. 2, No. 3. Pp. 75–88.

⁵⁷ Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: НИУ ВШЭ, 2015.

⁵⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 тт. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992.

⁵⁹ North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Op. cit.

В институциональном анализе существует три уровня: *«На первом институт принимается как должное – и изучению подлежат его эффекты. На втором предполагается сравнительный анализ эффектов первого уровня, чтобы изучать значение различных форм. На третьем уровне анализа, мы пытаемся объяснить, как и почему институты структурированы таким, а не иным образом, и почему некоторые типы институтов “выживают”»*⁶⁰. Мы исходим из того, что первый и второй уровни разработаны в науке. Нас интересует третий уровень: по какой причине институты политического авторитета структурированы именно таким образом? Полагаем, что ответ нужно искать в институциональной эволюции.

В связи с тем, что исследование носит междисциплинарный характер, отметить: все данные, привлекаемые из областей, где автор исследования не может претендовать на экспертность, привлекаются в неразрывной связи с их интерпретацией специалистами. Работа по уточнению данных проделана вместе с командой проекта РФФ, включающей в себя профильных специалистов из различных областей. Мы не интерпретируем данные из специальных областей самостоятельно и ссылаемся лишь на те работы, достижения в которых признаны, по крайней мере, в магистральном направлении развития научной области. По возможности, в зависимости от значимости привлекаемых данных, в тексте отражается критика привлекаемых данных. Как утверждает современная постпозитивистская парадигма, главный критерий научности – валидный результат, ради которого возможно (отрефлексированное) пересечение границ дисциплин.

Научная новизна и вклад в предметное поле

Исследования власти и авторитета обычно разделяются на теоретико-философские дебаты и прикладное эмпирическое изучение кейсов. Наше

⁶⁰ Weingast B.R., Wittman D.A. The Reach of Political Economy // The Oxford Handbook of Political Economy. Oxford University Press, 2006. P. 6.

исследование предпринимает попытку преодолеть сразу два методологических разрыва: во-первых, разрыв между нормативными теориями политического авторитета и практическими институциональными воплощениями, и во-вторых, междисциплинарный разрыв между политологией, социологией, биологией и антропологией.

Концептуальная исходная модель исследования позволяет проследить и объяснить эволюцию способов институционализации политического авторитета от «лидерства у животных» (то есть, ультимативной биологической и эволюционной логики явления добровольного подчинения), через появление внешней инстанции у людей (сверхъестественный агент) и типы её воплощения (от богов до идеологий), к современному – демократическому политическому авторитету. Вне прямого сравнения с глобальными концепциями, покрывающими огромные исторические периоды, вроде «социальных порядков» Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгейста, «экстративных / инклюзивных институтов» Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона⁶¹ или эволюции социальной власти Майкла Манна, наше исследование не является трактатом и вольной монографией, и не является полигоном для смелых прорывных / спекулятивных идей. Мы предлагаем аналитическую объяснительную модель, базирующуюся на фактическом материале, способную 1) «закрыть» существующие в предметном поле лакуны, 2) выявить неизменяемое основание институтов политического авторитета и проследить логику изменений, 3) дать инструментарий для дальнейшего, более глубокого в частных сюжетах, анализа и построения эмпирических моделей.

Положения, выносимые на защиту

⁶¹ Acemoglu D., Gallego F.A., Robinson J.A. Institutions, human capital and development // Annual Reviews of Economics. 2014. Vol. 6. Pp. 875–912.

1. Институционализация политического авторитета – комплексное явление, имеющее и социальный, и биологический аспекты. Эволюционный подход, обращающийся и к историческим данным, и к эволюционному институционализму, и эволюционной биологии и социобиологии, даёт возможность выявить как неизменное основание, так и изменяющиеся формы – *способы* институционализации авторитета.

2. Ультимативная функциональная логика институтов политического авторитета – обеспечение кооперации и наказание фрирайдеров в сообществе. Уже на уровне изучения приматов мы констатируем переход от «животного лидерства» к (пока что архаичным) формам «добровольного подчинения». Социальная функциональность институтов политического авторитета повторяет (воспроизводит на новом уровне и новыми средствами) биологическую функциональность.

3. Основанием институционализации политического авторитета в человеческих сообществах является экстернализованная, трансцендентная (внешняя) инстанция. В ряде случаев она может обладать собственной агентивностью (Бог), а может оставаться относительно пассивной, но подкреплённой социальным активизмом (утопический образ). Данная внеположная физическому миру инстанция становится предельной инстанцией безусловного авторитета, которая обратно делегирует полномочия авторитета своим агентам в материальном мире.

4. Развитие предельной инстанции авторитета началось с функционализации веры в сверхъестественное. Вера в духов природы и духов предков, которая изначально, согласно исследованиям антропологов, не обладала сама по себе политическим смыслом (или, как минимум, обладала ей не везде), со временем и с расширением сообществ перехватила биологическую логику поощрения кооперации и наказания фрирайдеров, что вылилось в появление так называемых «моралистичных богов». Дальнейшая эволюция способов институционализации политического авторитета связана

с видоизменениями внешней инстанции и её эволюционным усложнением. Вера в сверхъестественных агентов может как сочетаться с верой в утопические (лишённые агентивности) образы или идеологические системы, так и вытесняться ими.

5. Данное развитие носит нелинейный характер. Институты способны как прогрессировать (усложняться), так и деградировать (откатываться назад). Эволюционный подход учитывает изменчивость и тренды институционального развития, позволяет выделить критические переходы между уровнями и отобразить морфологические наслоения.

6. Предельная инстанция современного демократического авторитета – конструируемый образ «народа», сообразно благу которого функционирует демократическая система и «открытое общество». В отличие от традиционного способа, современный демократический способ институционализации опирается на практики, операционализирующие и демистифицирующие «народ». Он инклюзивен, и сохраняют в себе слои предыдущих итераций. Мы можем проследить их как в «гражданской религии», так и в разрывах между формальными и неформальными институтами.

Список публикаций

1. Фокин К.В. Гипотеза сверхъестественного наказания (Критический обзор) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. №1(92). С. 60-80.

2. Фокин К.В. Авторитет в оптиках биологии и политики // В кн.: МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Сост.: М. В. Ильин; отв. ред.: И. В. Фомин, В. С. Авдонин. Вып. 9: Методологические аспекты междисциплинарного трансфера знаний. М.: [б.и.], 2019. С. 138-150.

3. Фокин К.В. Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. №3(94). С. 33-54.

4. Фокин К.В. Опыт изучения власти на интерфейсе политического и биологического / В кн.: МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Сост.: М. В. Ильин; отв. ред.: И. В. Фомин, В. С. Авдонин. Вып. 10: Вслед за Декартом. Идеальная чистота и материальная основа мышления, познания и научных методов. М.: [б.и.], 2020. С. 196-211.

5. Фокин К.В. "Глубинная" демократия и политический авторитет // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 3(98). С. 34-61.

6. Фокин К.В. Эволюции власти: (Прото)политическое поведение у животных / В кн.: МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин / Сост.: М. В. Ильин; отв. ред.: И. В. Фомин, В. С. Авдонин. Вып. 11: Вслед за Декартом. Идеальная чистота и материальная основа мышления, познания и научных методов. М.: [б.и.], 2021. *В печати.*

7. Фокин К.В. Зомби биовласти: устарела ли концепция сегодня? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2021. №4. *В печати.*

Сжатое изложение основного содержания диссертации

Эволюционный (ультимативный) смысл лидерства у социальных животных состоит в решении ряда проблемы кооперации. Авторитет – более сложное, чем лидерство, социобиологическое явление, однако их проксимальный и ультимативный смыслы с точки зрения эволюции продолжают и усложняют уже возникшую логику. Простое лидерство на основе доминирования или престижа оказывается недостаточным для новых потребностей эволюционировавших существ – тогда возможным становится

отношение авторитета, то есть долгосрочной веры и доверия, порождающих власть и влияние даже *вне* формализованных структур.

«Исходной позицией» для института политического авторитета становится социальная организация, при которой иерархия формируется на основании *двойного взаимного добровольного подчинения* – индивиды подчиняются позиции авторитета, и в то же время индивид *в* позиции авторитета подчиняется правилам группы, осуществляет контролирующую / дисциплинирующую функцию, наказывает фрирайдеров и т.д.

Значительная вариативность и многомерная комплексная структура человеческого общества делают поиск эволюционного основания института авторитета задачей крайне сложной. Вместо того, чтобы пытаться определить *все* черты, благодаря которым человеческое общество воспроизводит отношения авторитета, мы сконцентрируемся на одной – ключевой характеристике, которая отличает человеческую социальность. Это *развитая способность к абстрактному мышлению и воображению, опосредованных языком и речью, для целедостижения*. Вера в сверхъестественное / мифы повсеместно распространены в человеческой культуре. Эта способность «верить в невидимое», как предполагает антрополог Паскаль Буае, связана с эволюцией нашего стратегического интеллекта, предрасположенного к выстраиванию сложных и многосторонних социальных связей⁶². Политический авторитет в больших человеческих сообществах, превышающих так называемое «число Данбара»⁶³ должен экстернализироваться.

Наличие данной «внешней инстанции», появляющейся у людей благодаря способности к абстрактному мышлению, позволяет связать все способы институционализации политического авторитета и с биологической

⁶² Boyer P. Religion: Bound to believe? // Nature. 2008. Vol. 455, No. 7216. P. 1038.

⁶³ Dunbar R. Neocortex Size as a Constraint on Group Size in Primates // Journal of Human Evolution. 1992. Vol. 22, No. 6. Pp. 469–493.

природой, и с развёртываем функциональной природной логики в социальном контексте.

Изучаемое нами возникновение внешней инстанции имеет ясную историческую рамку, подтверждаемую эмпирической реконструкций. Первая реперная точка: переход от животного авторитета к первобытному человеческому, где пока полноценной внешней инстанции не существует, однако складываются потенциалы для её дальнейшего появления.

Первобытные социальные порядки в первых человеческих сообществах, у охотников и собирателей, во многом напоминают социальные порядки других высших приматов⁶⁴. Малый размер сообществ, тесные родственные связи, частые интеракции между каждым из членов группы позволяют сообществу функционировать без апелляции к внеположной инстанции. Сверхъестественное и мифологическое, однако, уже присутствует – но пока служит объяснению окружающего мира, а не легитимации власти: на это указывает сравнительно малая *морализаторская* функция сверхъестественного. Внеположный материальному мир, на этом этапе, всё ещё может существовать для людей в параллели, без прямого вмешательства.

Внешняя инстанция *политического* авторитета возникает в тот момент, когда начинают образовываться большие разнородные сообщества. Для распространения власти на большую группу разнородных членов нужна экстернализованная инстанция – морализующие и дисциплинирующие боги (которые позже превращаются в предельно моралистичного монотеистического Бога). Этот переход рассматривается в рамках т.н. концепции (гипотезы) сверхъестественного наказания (SPH).

При образовании ранних больших сообществ это религиозная, иначе – сверхъестественная предельная инстанция. Это также можно обозначить как традиционный тип институционализации политического авторитета. Дальнейшая эволюция форм воспроизводства авторитета приводит к

⁶⁴ Де Валь Ф. Указ. соч.

появлению, помимо сверхъестественного, также авторитетов идеального образа (Государство или Нация как замена Бога). Модернистский авторитет, определяемый нами как *авторитет идеологии*, является транзитным от традиционных типов авторитета к современному. Идеологический авторитет, в отличие от предшествующих форм, обращённых к неизменному порядку, – тотален, инклюзивен и обращён в будущее.

Демократический способ институционализации авторитета отличается от традиционных способов не идеологическим наполнением внешней инстанции, а процессуальным аспектом. Он может как сосуществовать с традиционными внешними инстанциями (сверхъестественной и идеального образа), так и быть насыщен элементами идеологической. Главное процессуальное отличие – направленность на постоянное саморефлективное обновление и развитие. В аспекте идеологии – это установление в качестве конечного идеального образа не телеологического результата, а открытого социального порядка («открытого общества»), политической *формы*, внутри которой возможно сосуществование и конкуренция идеологий и т.д. В своём практическом воплощении – это создание условий для прямого выражения воли внешней инстанции – самого сообщества, *народа*. В традиционных способах воля народа / нации / сообщества *присваивается* лидером и им трактуется; современный демократический способ создаёт формы прямого воплощения этой воли и подотчётности ей институтов власти. Эти институты включают в себя практики делегирования авторитета не личности, а позиции, практики постоянного и разноуровневого процедурного обновления, инклюзивной, а не эксклюзивной системы циркуляции власти.